

ОТЗЫВ

Члена диссертационного совета на диссертацию Кабылинского Бориса Васильевича на тему: «Аналитика конфликта: онтологические и эпистемологические аспекты», представленную на соискание ученой степени доктора философских наук по специальности 5.7.1. – онтология и теория познания

Диссертационное исследование Кабылинского Бориса Васильевича вписывается в поле философских исследований, посвященных рефлексии и обоснованию базовых понятий научного знания. В данном случае речь идет о таком актуальном в современности концепте как конфликт, формы которого в наше время все более усложняются и варьируются, при этом его обстоятельная аналитика и философское фундирование остаются нереализованными. Философская рефлексия базовых понятий не только проясняет их проблематичность, но и показывает их существенную укорененность в структурах человеческого существования, что и осуществляется в представленном исследовании. Автором активно используется терминологический инструментарий феноменологии, экзистенциализма и фундаментальной онтологии М. Хайдеггера. При этом осуществляется обращение к базовым онтологическим (самость, бытие, время и пространство) и эпистемологическим (репрезентация, ценность, релятивизм) концептам, демонстрируется их уместность в теории конфликта. Проведя онтологическую дескрипцию конфликта, автор, справедливо отмечая ее абстрактный характер, переходит к ее эпистемологическому наполнению. При этом он вводит понятие эпистемологической программы и раскрывает, достаточно обстоятельно, две актуальных эпистемологических программы современности, связанные с таким существенным контекстом образования и разрешения конфликтов как цифровые технологии. Представляется, что описание этих программ – «цифровой вуайеризм» как программа снижения конфликтности, а также «виртуальное изгнание» как программа управления конфликтами и возможное основание для формирования юридических технологий конфликто разрешения (с. 204) – наиболее существенная часть представленного исследования. В завершающей главе автор обстоятельно описывает конфликтные паттерны, осуществив предварительно их классификацию, фокусируя внимание на связывании теоретических конструкций и практических взаимодействий. Тем самым осуществляется своего рода применение исследований, являющееся, по мнению Г.Г. Гадамера, существенным заключительным моментом построения теории в гуманитарных науках. Несмотря на то, что претензия представленного диссертационного исследования, безусловно, фундаментальная и относится скорее не к созданию и использованию программ формирования и разрешения конфликта, но к анализу принципов их построения, в тексте уделяется достаточное внимание практической составляющей, что представляется немаловажным.

Следует подчеркнуть еще один существенный аспект, вписывающий представленное исследование в поле актуальных дискуссий в гуманитарных науках XX века. Это своего рода «антропологический разворот» (с. 317), обращающий к человеку, субъекту, в терминах автора к «я-в-конфликтности», предполагающий возможность обнаружить в структурах субъективности основания как для практик конфликта и его разрешения, так и для теорий, фокусирующихся на его исследовании.

Диссертационное исследование Кобылинского Бориса Васильевича действительно поднимает актуальные вопросы философского обоснования теории конфликта и философской рефлексии научного знания в целом. В этом контексте оно закономерно провоцирует возражения и вызывает вопросы, ряд из которых имеет характер дискуссионных, приглашающих к обсуждению. Например, читателю не всегда очевидна недостаточность научных позитивных исследований, которую автор провозглашает почти как само собой разумеющуюся, но не обосновывает на конкретных текстах, разбирая конкретные научные подходы. Специалисту в области философии такой ход к философской рефлексии представляется естественным, однако для ученых он может оказаться, и чаще всего оказывается провокацией, которой не хватает серьезной аргументации и демонстрации. В случае отсутствия такой аргументации, конструктивный диалог между научным знанием и философским исследованием окажется невозможен. В частности, это относится к теории и анализу конфликта в политических и отечественных конфликтологических исследованиях. Или, например, к отчасти односторонней критике научного понимания времени и пространства в соответствующем параграфе 1 главы. Современные научные понятия времени и пространства не так просты, какими они изображаются в исследовании.

Традиционный момент дискуссий по поводу исследовательских текстов относится к обоснованию используемых источников или выбору традиций, которые служат основанием для формирования новых концептов и критики традиционных подходов. В данном случае мне хотелось бы высказать сомнение в апелляции к феноменологии Э. Гуссерля в главе об онтологическом обосновании. Представляется, что онтологический поворот в феноменологических исследованиях, если и был совершен, то не в трудах классика феноменологии. Также вызывает непонимание почти полное игнорирование идей Гегеля и Маркса (автор упоминает имена классиков, но не обращается к их работам и идеям). С одной стороны, такое невнимание может быть объяснено желанием сконцентрироваться на экзистенциальных и антропологических основаниях конфликта. С другой стороны, тезисы о значении признания и борьбы за него, идеологии, а также социальных составляющих конфликта, которые возникают на протяжении всего текста и, особенно, в его последней части, говорят об уместности указанных авторитетов. Это же касается уместности некоторых отсутствующих политических философов, например, К. Шмидта, коль скоро автор обращается к проблематике насилия как

важной составляющей конфликта. В главе, посвященной эпистемологическим основаниям, в связи с анархизмом лишь упоминается П. Фейрабенд, а исследования, относящиеся к проблематике релятивизма и репрезентации, не попадают в фокус внимания вообще, хотя, следует согласиться с автором, что концепт репрезентации, и особенно идея «кризиса репрезентаций» очень уместна при построении теории конфликта и анализе эпистемологических оснований современных конфликтов. Также очень напрашивается внимание к неокантианству, а не только к М. Хайдеггеру, при обсуждении вопроса о ценностях в ходе исследования эпистемологических оснований конфликта. Как уже было отмечено, параграфы, посвященные конкретизации формирования и разрешения конфликтов в цифровую эпоху, представляются самыми насыщенными и инновационными в данном исследовании, однако не всегда текст включает диалог с актуальными источниками. Так, говоря об интернете сегодняшнего дня (с. 205), автор ссылается на отечественное исследование 2005 года, которое вряд ли можно считать актуальным, особенно в таком вопросе. Также представляется сомнительным в контексте диссертационного исследования без дополнительной аргументации раскрывать идеи философа (С. Кьеркегора) со ссылкой на философский энциклопедический словарь (с. 151). В контексте последних двух замечаний следует подчеркнуть, что сама апелляция к источникам порой оказывается в тексте не слишком очевидной. Автор ставит ссылку на источник, не цитируя и не полемизируя открыто, при этом остается непонятным в каком смысле используется указываемый в ссылке текст. Такие вопросы возникли, например, в случаях ссылок на К. Поппера, Е. Шашлову, З. Сокулер, А. Севальникова и т.п. Неопределенности во взаимоотношении с цитируемой литературой, а также специфическая не объективированная стилистика, не позволяющая иногда отличить научную мысль автора от ее предметности, порой выражается в странных для диссертационного исследования, отчасти избыточно пафосных и недостаточно обоснованных высказываниях (см. на с. 58 «религиозная страсть к бесконфликтности...» и далее, на с. 70 «Конфликт подобен бичу...» и далее, на с. 94 «Абсолютное беззаконие и анархия...» и далее). При этом уже не дискуссионны, но однозначно прискорбны небрежности в апелляции к отечественным авторитетам, представляющим поле разработанности темы исследования (мужской род Д. Гаспарян и женский И.Т. Касавина – с. 6 и 7).

Последний блок моих дискуссионных вопросов относится к использованию понятий, в том числе раскрывающих задействованные в исследовании методы. Не совсем ясно, что имеет в виду автор под методом «оценочного анализа» (с.11), при возможном сомнении в использовании оценочных высказываний в науке. Также вызывает вопрос использование «метода личных наблюдений» (с. 295), заявленное в последней главе. Несмотря на то, что страницы, описывающие личный опыт автора, посетившего Северную Корею, действительно в высшей степени любопытны, их научный характер представляется сомнительным. Заявленный же автором в этом разделе контент-анализ в своих результатах в исследовании не

представлен. Что касается содержательных концептов, то здесь хотелось бы уточнить понятие «темпорального времени» (с. 100), использование Декартом концепта «мыслящей материи» (с. 107), уместность противопоставления ноэтической методологии и ноэматической установки в контексте феноменологии (с. 46). При этом не могу не подчеркнуть, насколько интересным и актуальным представляется обращение автора к концепту синхронии при анализе темпоральной определенности конфликта (в. 99).

Однако несмотря на высказанные дискуссионные замечания, представленное диссертационное исследование следует рассматривать как актуальную, оригинальную работу, обладающую выраженной новизной, обоснованную в основных тезисах, оформленную в соответствии с академическими требованиями, выражающую со всей очевидностью волю к философской рефлексии научной позитивности.

Диссертация Кабылинского Бориса Васильевича на тему: «Аналитика конфликта: онтологические и эпистемологические аспекты» соответствует основным требованиям, установленным Приказом от 01.09.2016 № 6821/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете», соискатель Кабылинский Борис Васильевич заслуживает присуждения ученой степени доктора философских наук по специальности 5.7.1. – онтология и теория познания. Пункты 9 и 11 указанного Порядка диссертантом не нарушены.

Член диссертационного совета

Доктор философских наук,

доцент, профессор

Шиповалова Лада Владимировна

8.11.2021